

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

Ф И Л И Т Т А

ПРАПСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

Въ предѣлахъ Вологодскихъ, при державѣ Великаго Князя Василія Іоанновича, пришелъ однажды отрокъ, по имени Ософилъ, къ обителю Комельской преподобнаго Коринлія, и началъ жить по близости ея у боголюбивыхъ людей, питаясь именемъ Христо-вымъ. Онъ имѣлъ обычай всякій день приходитъ въ церковь, на Божию службу, и со многымъ смиреніемъ молился Господу, и дома, утромъ и вечеромъ, упражнялся въ молитвѣ, вставая иногда и ночью для молитвеннаго бдѣнія. Жители монастырской волости, между коими обиталъ отрокъ, изумлялись такому строгому воздержанію, смиренію и трудамъ, въ столь юномъ возрастѣ, ибо онъ никогда не видали его играющимъ съ своими сверстниками, ни даже позволяющимъ себѣ какія-либо дѣтскія шутки. Сказали о

томъ преподобному Корнелію и онъ велѣлъ привести къ себѣ отрока; увидѣлъ и возрадовался духомъ и съ тихостию спросилъ: откуда онъ и кто его родители?

Блаженный не могъ, сквозь слезы, ничего отвѣчать преподобному и, преклонившись до земли, съ трудомъ наконецъ проговорилъ: «прости меня, Господа ради, честный отче, имя мнѣ Ософилъ, а родителей моихъ не помню, оставшись малолѣтнимъ и сирымъ послѣ ппхъ; слышалъ же, что были они благочестивые Христіане и, въ мирѣ живши, преставились. Сиротою скитаюсь я, питаемый Бога ради; не знаю самъ, какъ дошелъ до сего мѣста и здѣсь живу у господина моего; помилуй меня, Господа ради, честный отче, не оставь погибнуть во грѣхахъ многихъ, по повелю, сколько могу, потрудиться у твоей святыни на этомъ святомъ мѣстѣ.» Преподобный, какъ чадолюбивый отецъ, видя его смиреніе и кротость, прозорливо о немъ сказалъ: «вижу, братія, что въ немъ готовится сосудъ, избранный Господу моему,» и велѣлъ принять его въ монастырь подъ надзоръ ппока, блюстителя ризницы; двѣнадцати лѣтъ былъ тогда отрокъ Ософилъ и съ ревностию поступилъ на сіе послушаніе.

Братія возвѣстили преподобному Корнелію труды и смиреніе юнаго подвижника, и святой старецъ, призвавъ его къ себѣ, ободрилъ ласковымъ словомъ: «внемли мнѣ, о Господѣ, драгой мнѣ по сердцу Ософилъ, и отъ руки Божіей прими вѣнецъ доброты, благое нго ппоческаго житія.» Какъ земля, жаждущая утренней росы, отрокъ радостно воскликнулъ: «ей, отче, буди мнѣ по глаголу твоему!» и

съ умплениемъ внималъ поученіямъ святаго старца, о совершенномъ отреченіи отъ міра, для неуклоннаго послѣдованія за Христомъ. Всѣ духовныя совѣты, утолявшіе его душевную жажду, слагалъ онъ въ сосудъ своего сердца и молилъ Господа направить его на путь истины и исполнить своей любви, которая, какъ златой сосудъ, никогда не можетъ разбиться. Самъ преподобный Корнилій возложилъ на него ангельскій образъ и нарекъ имя Филиппа пятнадцатилѣтнему, который даже не могъ еще назваться юношею, но уже былъ старцемъ по духу. Корнилій поручилъ его опытному пиоку Флавіану, искусному въ божественномъ писаніи, и тотъ научилъ его чтенію, пѣнію и всему, что было полезно душѣ его.

Заботливый игуменъ велѣлъ упражняться ему во всѣхъ монастырскихъ службахъ, чтобы пріучался ко всякой работѣ, и юный Филиппъ со смиреніемъ трудился, то въ хлѣбнѣ, то въ пекарнѣ, нося воду и дрова, днемъ служа братіи, а ночью стоялъ на молитвѣ и предварялъ другихъ къ церковной службѣ: такъ трудился многіе годы. Вся братія, ради чрезвычайнаго его подвига, начала просить своего игумена, чтобы Филиппъ былъ поставленъ пресвитеромъ и общее желаніе исполнилось: смиренный служитель челоѣковъ сдѣлался служителемъ Божиимъ у священныхъ алтарей и братія начала прославлять его. Оскорбился блаженный, говоря самъ себѣ: «горе тебѣ, Филиппъ, ты уже принялъ похвалу отъ лица челоѣковъ, какое же возмездіе получишь въ день судный отъ Господа своего!». Онъ пожелалъ безмолвія пустыни и старецъ Корнилій одобрилъ его помысль.

Пятнадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ

подвизался въ обители Корнилѣевой; онъ началъ прилежно просить Матерь Божию, чтобы извела его въ пустыню отъ належащей скорби, и однажды ночью, во время пѣнія канона Одигитріи, услышалъ таинственный голосъ: «иди отсель, возлюбленный рабъ мой, на уготованное тебѣ мѣсто, гдѣ можешь спастися.» Преподобный Филиппъ посмотрѣлъ въ окно своей келліи и увидѣлъ къ южной сторонѣ яркій свѣтъ, какъ бы утренней зари. Ужаснулся крѣпкой молитвенникъ и, положившись во всемъ на волю Божию, еще болѣе утвердился въ своемъ помыслѣ, избирая только удобное время для оставленія обители.

Въ другой разъ услышалъ онъ тотъ же небесный голосъ, уже молясь въ храмѣ во глубинѣ ночи, и немедленно оставилъ обитель, ничего не взявъ съ собою, кромѣ той рясы, въ которой былъ. Мимо Вологды прошелъ онъ сперва въ монастырь Спасокаменный, что на Кубенскомъ озерѣ, и тамъ нѣсколько отдохнулъ у инокъ, по имени Германа; потомъ обходилъ многія веси и пустыни, ища себѣ мѣста упокоенія, гдѣ бы безмолвствовать на единѣ; такъ достигъ предѣловъ Бѣлозерскихъ. Тамъ, на берегу рѣки Айдоги, въ волости сего имени, нашелъ уединенный боръ и возлюбилъ мѣсто будущаго своего упокоенія. Когда, подъ развѣсистую сосною, опочнулъ онъ отъ трудовъ, въ сонномъ видѣніи явился ему Ангелъ и сказалъ: «здѣсь приготовилъ тебѣ мѣсто Господь.»

Проснувшись отъ таинственнаго сна, блаженный Филиппъ помолился Пресвятой Троицѣ и пошелъ къ обладателю той волости, Князю Андрею Шелешнанскому, просить у него мѣста около уединенной сосны.

Благочестивый Князь самъ послѣдовалъ за отшельникомъ и посохомъ своимъ очертилъ ему участокъ, отъ рѣки Андоги къ малому ручью Ирану; преподобный ископалъ ровъ по чертѣ и устроилъ себѣ на крутомъ берегу малый вертепъ, гдѣ началъ житьствовать, молясь непрестанно святой Троицѣ.

Князь Андрей, возвратясь въ село свое, разсказалъ брату своему Князю Юанну и поселянамъ: какой святой мужъ, сана пресвитерскаго, у нихъ селится и отъ радости сдѣлалъ пиръ для священниковъ и крестьянъ; всѣ радовались, вмѣстѣ съ своимъ Княземъ, воздавая хвалу Богу. Одинъ только братъ его, Князь Юаншъ, подвигся гнѣвомъ на отшельника Филиппа и сказалъ единокровному: «ты пустилъ его, а у меня онъ не спрашивался; ѣду изгнать его и не позволю ему тутъ жить.» Напрасно благочестивый Андрей удерживалъ брата, чтобы не дѣлалъ зла святому мужу и въ томъ же убѣждали его священники и народъ; еще болѣе раздражился Князь, немедленно сѣлъ на коня и погналъ его въ пустыню. У малаго Ирана внезапно сталъ его конь и не пошелъ за ручей; Князь ударилъ его бичемъ, а конь, разъярившись на всадника, закусилъ удила и понесъ его обратно въ село къ церкви Святителя Николая; тамъ поразилъ его о камень и на мѣстѣ умеръ Князь, а конь, пробѣжавъ еще двѣ версты, запутался въ чащѣ лѣса между деревъ и удавился. Съ плачемъ погребъ Князь Андрей тѣло непослушнаго брата и поѣхалъ въ пустыню возвѣстить о томъ преподобному: прослезился Филиппъ.

Князь Андрей предложилъ ему денегъ для поминовенія брата, но ихъ не принялъ отшельникъ. •Если

хочешь оказать мнѣ свою милость, сказалъ онъ Князю, то пожалуйи мнѣ участокъ земли по пространствѣ, на поминъ твоего брата.» Умилился Князь и далъ ему всю землю между ручьями, большимъ и малымъ Ираномъ, укрѣпивъ ее за нимъ грамотою, и строго запретилъ поселянамъ въ чемъ либо оскорблять человека Божія, ибо имѣлъ къ нему великую вѣру и любовь и подавалъ ему все нужное.

Съ тѣхъ поръ началъ спокойно житьствовать въ своей пустышѣ преподобный и поставилъ сперва молитвенный домъ пли часовню, во имя живоначальныя Троицы, гдѣ, днемъ и ночью, приносилъ пѣніе и молитвы Богу; потомъ, вышедши изъ вертепа, поставилъ себѣ келію, и къ нему начали приходить отъ многихъ странъ благочестивые люди, ради молитвъ и благословенія. Блаженный, поучая ихъ о пользѣ душевной, совѣщался съ ними, какъ бы устроить церковь во имя живоначальныя Троицы. По сердцу былъ совѣтъ сей благочестивымъ людямъ; они начали, съ большимъ усердіемъ, првготовлять лѣсъ для построенія церкви и, молитвами преподобнаго, скоро она соорудилась; Князь снабдилъ ее нужною утварью и священными книгами. Тогда преподобный испросилъ, у мѣстнаго Епископа, разрѣшенія освятить новый храмъ, и такимъ образомъ устроилось въ немъ ежедневное богослуженіе. Пустыня сія нареклася Красноторскою и Филиппо-Иранскою, отъ соединеннаго имени отшельника и урочища; повсюду пронеслась молва о жительствѣ преподобнаго въ сей пустышѣ, и многіе Христолюбцы начали туда стекаться для молитвы и поученій, принося съ собою все нужное для храма Божія.

Тамъ усердно молился святой отшельникъ и при-
послалъ безкровную жертву въ Троицѣ славимому
Богу, призывая Матерь Божию и всѣхъ Святыхъ на
помощь благовѣрнымъ Государямъ и Христолюбиво-
му воинству противъ супостатовъ, и о члѣдахъ сво-
ихъ духовныхъ и о всемъ мірѣ, дено и пощно
возсылалъ молитвы. При непрестанномъ подвигѣ, не
оскудѣвали кротость его и смиреніе; никто не видалъ
его въ мірскихъ домахъ ищущимъ себѣ упокоенія,
но съ Ангелами являвалъ онъ въ пустынѣ и пищею
его былъ сухой хлѣбъ и вода отъ его потока.

Многія искушенія посѣщали его въ безлюдной пу-
стынѣ; однажды ночью, услышалъ онъ гласъ труб-
ный и страшный шумъ, какъ бы отъ многихъ пол-
чищъ. Смутился преподобный, помышляя самъ въ
себѣ: откуда могутъ быть сіи звуки, когда нѣтъ
здѣсь брани? и близко отъ себя услышалъ голосъ:
«есть здѣсь брань тебя ради; если не хочешь имѣть
ее, иди и сии, и мы не будемъ устрашать тебя.» Но
святой оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и вса-
ломски воззвалъ: «да воскреснетъ Богъ, и расточатся
враги его!» (Псал. LXVII, 2) и въ мигъ взчезла вся
сила вражія. Такое искушеніе еще болѣе подвигло
на постъ и молитву жителя пустыни и уже не во-
зобновлялись страшныя видѣнія, но злые люди,
пауцаемые врагомъ, начали дѣлать ему различныя
козни, чтобы удалить отъ уединеннаго мѣста, указан-
наго ему самимъ Богомъ. Противъ нихъ укрѣпился
онъ благодатію Духа Святаго, взывая къ нимъ: «отсту-
ните отъ меня всѣ творящіе беззаконія.» Помолвившись
о ихъ прегрѣшеніяхъ, чтобы Господь не вмѣнялъ
имъ злобу ихъ, одинокій утвердился онъ въ пу-

стынѣ, предстоя во храмѣ Святой Троицы, и люди, видѣвшіе его кротость, оставили его на мѣстѣ подвига. Когда же однажды, отъ новыхъ мечтаній демонскихъ, пришла ему мысль оттуда удалиться, укрѣпилъ его таинственный гласъ: «что ничто не можетъ противиться силѣ крестной и что такія мечтанія доступны тогда только, когда перестаетъ бодрствовать умъ и помышлять о царствѣ небесномъ и безконечныхъ мукахъ».

Отшельникъ сподобился въ своей пустынѣ созерцаній божественныхъ. Пришелъ однажды поселянинъ, по имени Мелетій, имѣвшій къ нему большую вѣру и, послѣ долгой духовной бесѣды, остался у него провести ночь. Въ глубокой вечеръ спалъ Мелетій, преподобный же бодрствовалъ, исполняя обычное правило; въ полночь проснулся пришелецъ и звалъ къ себѣ старца, но не обрѣлъ его въ келліи; онъ увидѣлъ его изъ окна стоящимъ у церкви, лицомъ къ востоку, съ воздѣтыми къ небу руками, и руки его свѣтились, какъ свѣчи горящія огнемъ. Многимъ людямъ повѣдалъ поселянинъ чудное свое видѣніе и тѣмъ умножилась любовь народная къ преподобному *).

Пятнадцать лѣтъ провелъ такимъ образомъ въ пустынѣ святой Филиппъ и до такой степени изнурилъ себя постомъ, что уже почти не могъ вкушать хлѣба, ни выходить въ церковь, скорбя тѣломъ по болѣзню только о душѣ своей и не измѣняя своего правила, въ ожиданіи блаженнаго упокоенія. Пришелъ тогда въ пустыню къ блаженному инокъ,

(* Смыслъ ограничивается чтеніе на кафізмахъ.

просить у него благословенія, и на вопросъ: кто оиъ и отколѣ? назвался Германомъ изъ Спасокаменнаго монастыря. Это вѣроятно былъ тотъ самый, у котораго за многіе годы предъ тѣмъ отдыхалъ преподобный, на пути въ Бѣлозерскъ. Германъ просилъ дозволенія остаться съ нимъ въ пустынѣ и сперва не соглашался отшельникъ, представляя всю трудность такого подвига, но убѣжденный мольбами инока, который полагалъ въ терпѣніи начало спасенія, наконецъ согласился вмѣстѣ съ нимъ пребывать и приносить молитвы Богу.

Германъ, какъ послушный сынъ, во всемъ повинаясь своему отцу, между духовныхъ бесѣдъ, спрашивалъ преподобнаго о его рожденіи и началѣ иночества и какъ вселился въ сію пустыню? и по мѣрѣ того какъ рассказывалъ ему о себѣ отшельникъ, тайно записывалъ чудныя его дѣлнія, дабы не было предано забвенію житіе столь святаго мужа.

Не много времени спустя, сказалъ ученику своему блаженный учитель: «отче Германъ, прошу твою любовь: когда увидишь меня мертвымъ, не оставь тѣла моего валяться на землѣ, но погреби его на мѣстѣ моего покоя, ибо ты видишь, что я уже дряхлъ и изнемогаю; сегодня я съ тобою, а завтра увидишь меня умершимъ. Не напрасно послалъ тебѣ Богъ посѣтить меня въ уединеніи.» Потомъ, причастившись святыхъ таинъ, началъ молиться Господу и пречистой его Матери, чтобы заступила душу его въ часъ смертный, и вспомнулъ въ молитвахъ своихъ все православное Христіанство, чтобы всѣмъ даровано было прощеніе грѣховъ, здравіе и спасеніе.

Окончивъ молитву, со слезами сказалъ онъ ученику своему: «братъ Германъ, насталь для меня часъ смертный и время отшествія души моея къ Господу; ты же предай тѣло мое грѣшное землѣ, какъ я тебѣ заповѣдалъ.» Уже былъ глубокий вечеръ, пренормальный изнемогая тѣломъ, лежалъ на одрѣ, шовотомъ произнося молитвы. Германъ совершалъ обычное правило и едва окончилъ, какъ услышалъ голосъ: «встань и смотри!» Воспрянувъ нинокъ и оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, чтобы не впасть въ искушеніе; чудное благоуханіе промлось по келліи. Германъ нашель старца своего уже усопшимъ, съ лицомъ свѣтлымъ и ярко сіяющимъ, какъ бы Ангела Божія; жалость проникла въ сердце ученика, объ утратѣ любимаго учителя, и горько надъ нимъ онъ плакалъ, воспоминая все благодатное его ученіе и любовь; не облеченный въ санъ священства, недоумѣвалъ онъ какъ погребсти его? и на разсвѣтѣ вышелъ изъ келліи, чтобы помолиться въ церкви живоначальныхъ Тронцы. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ старца, идущаго изъ селенія также къ церкви, и обрадовался лицу человѣческому въ пустынь.

«Скажи миѣ, Госнода ради, какъ твое имя и откуда идешь?» спросилъ его Германъ и тотъ отвѣчалъ: «имя миѣ Іовъ; я изъ обители Александровой, что на Свири, и сана священническаго.» Еще болѣе обрадовался Германъ и, принявъ отъ него благословеніе, такъ говорилъ: «отче святой, сотвори любовь; въ ночь сію, Божиимъ изволеніемъ, представилъ отецъ мой Филиппъ; молю твою святыню погребсти тѣло пренормобнаго.» Вмѣстѣ взошли они

въ келлію и подивились свѣтлости лица усопшаго, прославленнаго Богомъ. Въ то же время собрались изъ веси благочестивые люди, какъ бы по внушенію Божію, для погребенія святаго старца; они устроили гробъ и перенесли честное тѣло Филиппа въ церковь Пресвятыя Троицы, гдѣ совершилось отпѣваніе; его погребли на берегу рѣки тамъ, гдѣ самъ указалъ для себя мѣсто и, возвратясь въ келлію, оба инока по пустынному вкусили хлѣба, поминая блаженнаго отца Филиппа. Священнонокъ Іовъ спрашивалъ Германа о житіи преподобнаго; и Германъ повѣдалъ ему то что слышалъ изъ устъ самаго старца. Іовъ благодарилъ Господа, сподобившаго его погребсти столь святаго мужа; слышавъ о пустынномъ его житіи, онъ пожелалъ видѣться съ нимъ и это привело его въ пустыню Филиппову. Пробывъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ Германомъ, Іовъ удалился въ Свирскую свою обитель; Германъ же оставался еще на сорокъ дней въ уединенной келліи, чтобы читать псалтырь по усопшемъ отцѣ своемъ, и потомъ возвратился въ монастырь Спасокаменный, что на Кубенскомъ озерѣ; но память блаженнаго Филиппа осталась неизгладимою въ сердцахъ смиренныхъ поселянъ, воспоминавшихъ благіе его подвиги и спасительныя поученія. Сорока пяти лѣтъ отъ рожденія преставился преподобный, 14-го Ноября 1527 года, на память ангела своего Апостола Филиппа.

Вскорѣ послѣ его кончины, устроилась обитель иноческая на мѣстѣ его подвига, и тамъ, въ соборной церкви Пресвятыя Троицы, доселѣ почиваютъ подъ спудомъ честныя его мощи, отъ которыхъ не престають истекать исцѣленія.

Первое описаніе житія его и чудесь, составленное Германомъ, сгорѣло во время нашествія Литовскаго; второе же было написано, по свѣжей еще памяти уцѣлѣвшихъ преданій, повелѣніемъ благочестиваго Царя Алексѣя Михайловича.

Надъ ракою написанъ священный ликъ преподобнаго, по его явленію старцу Θεодосію въ той же пустынѣ. Долгое время болѣлъ ногою инокъ сей и не могъ выходить изъ келліи, ибо тяжкая была его болѣзнь; онъ началъ молить о исцѣленіи Пресвятую Троицу, призывая на помощь и блаженнаго отца Филиппа. Въ самый день Покрова Богородицы явился ему во снѣ преподобный и велѣлъ написать свою икону, чтобы положить ее на ракъ; обѣщая ему благодать Божію, онъ осѣнилъ болящаго крестнымъ знаменіемъ и скрылся отъ взоровъ. Воспрянувъ отъ сна, старецъ Θεодосій перекрестился и, не чувствуя никакой болѣзни, ступилъ на ногу и самъ пришелъ въ церковь, къ общему изумленію. Исполняя завѣтъ преподобнаго, онъ велѣлъ иконописцу написать его икону съ древняго образа, прпслапнаго изъ Москвы отъ Княгини Кривоборской.

Тотъ же старецъ Θεодосій, страдавшій въ другое время внутреннею болѣзнію, отъ которой не могъ исцѣлиться помощію врачей, въ тонкомъ снѣ, на праздникъ первоверховныхъ Апостоловъ, увидѣлъ преподобнаго, который причастилъ его святыхъ Христовыхъ тѣлъ и обѣщалъ здравіе, повелѣвая продолжать трудиться въ пустынѣ. Онъ имѣлъ и еще одно утѣшительное явленіе преподобнаго отца своего Филиппа, который повелѣлъ ему, ради совершеннаго

исцѣленія, соорудить храмъ во имя Пресвятыя Богородицы, на праздникъ честной ея иконы Казанской, и съ радостію исполнилъ Θεодосій завѣтъ святаго старца. Нѣсколько другихъ исцѣленій записаны въ обители, которыя всѣ свидѣтельствовали о святости угодника Божія Филиппа, прославленнаго отъ Господа.

КОНЕЦЪ.